

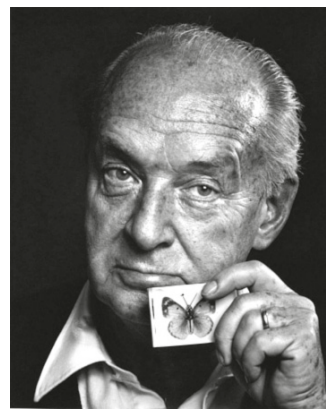
Е. Бор тынский

А. Пушкин – поэт резких контрастов – “подчёркивая инстинкты” (как сказал поэт Кончеев в «Дре»), и почти абсолютной гармонии, что выделяет его, прежде всего, среди других литераторов эпохи. Это характерно не только для пушкинской лирики, но также для жанров поэмы, прозы и “меленьких трагедий”. “Муза прелесть бедностью”, – говорит Кончеев, – муза Пушкина скупна и бедна, в отличие от благоухания и цветения вечного мира в Бокковской прозе. Бокков воспринял опыт И. Анненского и литераторов Серебряного века, прежде всего Бунин и поэтов-кмеистов, когда детально вразумительно и с доведением до подобия размеров и образности себя несвойственные ей прежде функции. Век модернизма перенёс страдания человека и вещь, предмет, породив новую литературу и создав ряд приёмов модернизма. Бокков любил материю, не отрицал её лицевую сторону, хотя его персонажи часто не могли стать органичной частью общепринятой реальности, конфликтуя с ней и выпадая из неё, подобно «Недоноску» Бортынского. Бокковская гармония – интонация в своём инстинкте, как “звонкие облака”. Как писал А. Блок в речи “О значении поэта”: “Что такое поэт? Человек, который пишет стихи? Нет, конечно. Он называться поэтом не потому, что он пишет стихи; но он пи-

шест стих ми, то есть приводит в гармонию слов и звуки, потому что он – сын гармонии, поэт.

Что такое гармония? Гармония есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни. Порядок – космос, в противоположность беспорядку – хаосу. Из хаоса рождается космос, мир, учили древние. Космос – родной хаосу, как упругие волны моря – родные грудям океанских впадин. Сын может быть не похож на отца ни в чём, кроме одной тайной черты; но он – то и делает похожими отца и сына”.

В романе “Дорога” Фёдор мечтает о воплощении своего пробуждающегося таланта, и эти рассуждения можно назвать концепцией его творчества: “Вот бы и преподавательство и инстинктивное и изысканнейшее, что он, один из десяти тысяч, сто тысяч, быть может, даже миллион людей, мог преподавать: например – многоплановость мышления: смотришь на человека и видишь его так хрустально ясно, словно слышишь только что выдул его, вместе с тем несколько ясности не мешая, замечаешь побочную мелочь – как похожа телефонная трубка на огромный, слегка подмятый мурлыкающий (всё это одновременно) загибающаяся третья мысль – воспоминание о каком-нибудь солнечном вечере на русском полуострове, то есть о чём-то не имеющем никакого разумного отношения к разговору, который ведёшь, обегая с ружьишкой своё слово, внутри – как ждое слово собеседник. Или: пронзительную жестокость – как жестянке на пустыре, как топтанной в грязь пирожковой картинке из серии «нацистские костюмы», как случайному бедному слову, которое повторяет добрый, слесарь, любящий человек, получивший зря не гонимый, – ко всему сору жизни, который путем мгновенной химической перегонки, королевского опыта, становится чем-то драгоценным и вечным. Или ещё: постоянное чувство, что наши здешние дни только как римские деньги, гроши, звякающие в темноте, что где-то есть капитал, с которого надо уметь при жизни получить проценты в виде снов, слёз счастья, дальных гор. Всеми этому и многому ещё другому (начиная с очень редкого и мучительного, так называемого чувств звёздного неба, упомянутого, кажется, только в одном научном труде, псковском «Путешествии Духа», – и кончая профессиональными тон-

костями в обл сти художественной литер туры) он мог учить, и хорошо учить, жел ющих, но жел ющих не было – и не могло быть, ж ль, бр л бы з ч с м рок сто, к к берут иные профессор музыки”.

В этом отрывке любопытен мотив денег и музыки. В “Египетских ноч х” Ч рского пор ж ет двойственность импровиз тор - не полит нц , сочет ющ я уника льный д р стихотворц -импровиз тор , подвл стный вселенскому музык льному н ч лу, и в то же время его мерк нтельность. Лужин , н против лишённого деловой хв тки, принимают з полубезумного музык нт . Ш х м тные п ртии имеют для него тон льность и свой л д: «К к я-то музык льн я буря охв тил доску, и Лужин упорно в ней иск л нужный ему отчётливый м ленький звук, чтобы в свою очередь р здуть его в громовую г рмонию». Утр т ш х м тной г рмонии, т инственных звуков, сопровожд вших его уд чные п ртии, ст л причиной попытки побег в нелюбимый Лужиным м тери льный мир обычных людей. Мысль о музыке сфер, г рмонизирующей мир, звучит в др м тических сцена х Пушкин . “Из н сл ждений жизни одной любви музык уступ ет, но и любовь – мелодия!” («К менный гость»). С льери восклиц ет: “Когд бы все т к чувствов ли силу г рмонии!”. Подобное понимание г рмонии ведёт к осозн нию её мр чной обр тной стороны – х ос , что было хорошо известно Пушкину н духовном уровне. Т -к я нтитез з родил сь в пушкинской душе в лицейский годы, о чём он пишет в стихотворении терцин ми в подр ж ние Д нте “В н ч ле жизни школу помню я”, где нек я “... Смиренн я, одет я убого, // Но видом велич в я жен // Н д школою н дзор хр нил строго”. Но нтичные ст туи богов, пленявшие поэт дикой, стр нной прелестью, смущ ли душу отрок : “Средь отроков я молч целый день // Бродил угрюмый – все кумиры с д // Н душу мне свою брос ли тень”.

В обр зе смиренной жены проступ ет не только Ек терин , но с м Богородиц , чьим увещев ниям не вним л юнош , обр щ вший взор н внешнюю кр соту мр морных кумиров, Аполлон и Венеры. Здесь истоки непреходящего конфликт между двумя сторона ми Пушкин , между условным нтичным и христи нским н ч лом, г рмонизиров ного только внешне в творчестве Пушкин , но до конц не р зрешённого в его судьбе.

Н боков не р з обр щ лся к теме бесовидения вслед “Бес м” Пушкин . В стихотворении “Крушение” он говорит об “обезумевших вещ х” п сс жиров локомотив , которые спровоци-

ров ли полонку м лости – винт , мех низм поезд русской поэзии – от Некр сов , Апухтин , Анненского, Блок до современного ему «Восточного экспресс ». Он пишет о двух крыл тых демон х, гн вших п ровоз н гибель, з которыми уг дыв ются вожди революции. Н боков подчёркив ет, что демоническое п - родерирует прекр сное, н дев я его личину, но всегд есть мелочь, котор я свидетельствует о подмене прекр сного уродливым: “Т к р звив ется бок о бок с н ми, в зловеще-весёлом соответствии с н шим бытием, мир прекр сных демонов; но в прекр сном демоне есть всегд т йный изъян, стыдн я бород вк н з ду у подобия совершенств ; л киров нным л комк м рекл м, объед ющимся жел тином, не зн ть тихих отр д г строном , моды их (медлящие н стене, пок мы проходим мимо) всегд чуть-чуть отст ют от действительных.” (“Д р”).

Для созд ния др м тического действия недост точно опис ния обычного конфликт , следует ур вновесить его героев н ш хм тной доске смысл и вообр жения, ин че их величины несор змерны. “Но человек человек // Посл лк нч рувл стным взглядом...”, – пишет Пушкин, подчёркив я, что р б и его господин несут один ковую ответственность. Т кое ур внив ние выглядело бы безумством в ре льной жизни, но по з кон м художественного мир оно рожд ет тр гедию в конфликте р вновеликих н ч л. Необходим мистическ я субст нция, котор я породж ет иное состояние созн ния у героев, потемнение р ссудк либо прозрение, гр нич щее с безумием, т ковы белые ночи; р згул водной стихии, вызв вшей н воднение; слепящ я коней и ямщик метель, вызыв ющ я г ллюцин ции и отворяющ я изн нку мир ; или дых ние чумы. Вещи тогд обрет ют противоположные к - честв , в людях открыв ется демоническое или божественное н ч ло, ожив ют к менные и бронзовые изв яния, н к зыв ялюдей з дерзость и проступки.

Петербург двоится в произведениях Пушкин и Н боков , пис вшего: “С нкт-Петербург – узорный иней, // Ex libris бес , может быть...//.

В “Медном вс днике” мелкий чиновник Евгений, потерявший невесту и н дежду н сч стливое будущее, дерзко обр щ ется к бывшему ц рю, ст вшему бронзовым истук ном, чтобы понять, р ди чего тот воздвиг н болот х уязвимый стихией город. Евгений – безумец для окруж ющих, не обл д ющих мистическим провидением, он невольный свидетель несконч емый борьбы держ вного основ теля и болотных бесов Петербург . Безумие – р з-

личное в своих проявлениях – ур-вноवेशив ет его, говорящего от имени всех жителей город , и держ вного Кумир – основ теля Северной столицы, поднявшего н дыбы Россию, р ди ему одному известной цели:

Уж сен он в окрестной мгле! // К к ядум н челе!
К к я сил в нём сокрыт ! // А в сём коне к кой огонь!
Куд ты ск чешь, гордый конь, // И где опустишь ты копыт ?
О, мощный вл стелин судьбы! // Не т к ли ты н д с мой бездной
Н высоте, уздой железной // Россию поднял н дыбы?
Кругом подножия кумир // Безумец бедный обошёл
И взоры дикие н вёл // Н лик держ вц полумир .
Стеснил сь грудь его. Чело // К решётке хл дной прилегло,
Гл з подёрнулись тум ном, // По сердцу пл мень пробеж л,
Вскипел кровь. Он мр чен ст л // Пред горделивым истук ном
И, зубы стиснув, п льцы сж в, // К к обуянный силой чёрной,
«Добро, строитель чудотворный! – Шепнул он, злобно з дрож в, –
Ужо тебе!..» И вдруг стремгл в // Беж ть пустился. Пок з лось
Ему, что грозного ц ря, // Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обр щ лось... // И он по площ ди пустой
Бежит и слышит з собой – // К к будто гром грохот нье –
Тяжёло-звонкое ск к нье // По потрясённой мостовой.
И, оз рён луною бледной, // Простёрши руку в вышине,
З ним несётся Вс дник Медный // Н звонко-ск чущем коне;
И во всю ночь безумец бедный, // Куд стопы ни обр щ л,
З ним повсюду Вс дник Медный // С тяжёлым топотом ск к л.

Уже не Евгений – с м Кумир стремится к ди логу в обр зе вс дник Апок липсис с бедной жертвой своих деяний, но миг “ясного безумья” (Н боков), требов вшего кр йнего н пряжения всех сил, у Евгения уже з кончился.

“Р скрывшись, бездн отд в л // З ворожённых мертвецов”, – пис л Н боков вослед Блоку о бес х “пузырей земли”, стр шных призр к х, воплотившихся в жителей город (“Мертвец идёт в сен т”, А. Блок), определяя две противоположные стороны безумств – живое и мёртвое: “...зн ю твои дел , ты носишь имя, будто жив, но ты мёртв” (Откр. 3:1).

“Д вот бед : сойди с ум , // И стр шен будешь к к чум ,” – пис л Пушкин о том, что безумство земное поистине уж сно. Т -ким безумством генетически н делен семья Чернышевских в “Д ре”, и с м Никол й Г врилович Чернышевский, породивший “бритого шут ” – Ленин . Безумие выд ётся з норму в современ-

ной поэту – изгнанику Фёдорову Годунову – Чердынцеву Советской России и Германии.

Поэтический диалог начинается с отрешением от условной, общепринятой реальности в стремлении взглянуть сквозь неё, мы становимся свидетелем того, как поэтическая речь, приходя ниоткуда, складывается у Фёдора в стихотворение излучения. Он открывает “напрямую” и “случайность диалога” у Пушкина, говоря о том, что нужно “вслушаться в чистейший звук пушкинского кмертона”, чтобы услышать единственные подлинные слова: “Благородно тебя, отчизна, // из чистый и какой-то диалог. // Ты, как безумие...” Звук «прямой» мне собственно теперь и не нужен: от рифмы вспыхнул жизнь, но рифма сама отпала. Благородно тебя, Россия, из чистый и... второе прилагательное я не успел взглянуть при вспышке – жаль. Счастливый? Бессонный? Крылатый? Из чистый и крылатый диалог. Икры. Лета. Откуда этот римлянин? Нет, нет, всё улетело, я не успел удержаться”. Икры – возможно, негримени Икра, безрассудно полетевшего к солнцу, лета – не мёртвое стихотворение Пушкина “Жил на свете рыцарь бедный...” и его белая тема.

“Это был разговор с тысячью собеседников, из которых лишь один настоящий, и этого настоящего надо было ловить и не упустить из слуха. Как мне трудно, и как хорошо... И в разговоре той ночи с мёртвыми нет тот... безумие безочит, тому тмузыка тот...”

Спустя три часа опознания для жизни воодушевления и вслушивания, он, наконец, выяснил всё, до последнего слова, и втрое можно будет написать. Непрощание попробовал вполголоса эти хорошие, тёплые, простые стихи.

Благородно тебя, отчизна, // из злую дельно благородно!
Тобою полна, тобой не признаю, // и с мёртвым собою говорю.
И в разговоре каждой ночи // с мёртвыми не рзберёт,
моё безумие бормочет, // твоя ли музыка рстёт...”

Волны музыкальной стихии родили это стихотворение, экзотическое состояние молодого поэта было сродни импровизаторскому вдохновению, которым с мёртвых не обладал, признаваясь в интервью, возможно мистифицируя критиков и читателей: “Что вам кажется основным в шим недостатком как писателя – кроме того, что в нас будут?”

В. Н.: Отсутствие непосредственности; невязчивость параллельных мыслей, вторых мыслей; неспособность нормально вы-

р ж ться ни н одном языке. Если предв рительно не сост влю к ждое проклятое предложение в в нне, в уме, з письменным столом”.

Вгл ве “Д р ” о Н.Г. Чернышевском проводится гр ниц между здр вым смыслом и гени льностью, подстёгив ющей не просто к отделке, но к изн ч льному з мыслу. “Для Чернышевского гений был здр вый смысл. Если Пушкин был гений, р ссужд л он, дивясь, то к к истолков ть количество пом рок в его черновик х? Ведь это уже не «отделк », ч ёрн я р бот . Ведь здр вый смысл выск зыв ется ср зу, ибо зн ет, что хочет ск з ть. При этом к к человек, творчеству до смешного чуждый, он пол г л, что «отделк » происходит «н бум ге», «н стоящ я р бот », т. е. сост вление общего пл н – «в уме», – призн к того оп сноного ду лизм , той трещины в его «м тери лизме», откуда выползл не одн змея, в жизни уж ливш я его. Своеобр зность Пушкин вообще внуш л ему серьёзные оп сения. «Поэтические произведения хороши тогд , когд , прочит в их, к ж д ы й (*разрядка моя*) говорит: д , это не только пр вдоподобно, но ин че и быть не могло, потому что всегд т к бив ет».

Пушкин нет в списке книг, дост вленных Чернышевскому в крепость, д и немудрено: несмотря н з слуги Пушкин («изобрёл русскую поэзию и приучил общество её чит ть»), это всё-т ки был прежде всего сочинитель остреньких стишков о ножк х...”

В эссе “Никол й Гоголь” Н боков пис л о том, что душу художник н полняет чувство восторг перед *невыразимым* – вспомним одноимённое стихотворение В. Жуковского, – которое невозможно з ключить в р мки р ссудк : “Велик я литер тур идёт по кр ю ирр цион льного.

Ур вновешенный Пушкин, земной Толстой, сдерж нный Чехов – у всех у них быв ли минуты ирр цион льного прозрения, которые одновременно з темняли фр зу и вскрыв ли т йный смысл, з служив ющий этой внез пной смены точки зрения.

Это созд ёт ощущение чего-то смехотворного и в то же время нездешнего, постоянно т ящегося где-то рядом, и тут уместно вспомнить, что р зниц между комической стороной вещей и их космической стороной з висит от одной свистящей согл сной.

Н этом сверхвысоком уровне искусств литер тур , конечно, не з ним ется опл кив нием судьбы обездоленного человек или проклятиями в дрес вл сть имущих. Он обр щен к тем т йным глубин м человеческой души, где проходят тени других миров, к к тени безымянных и беззвучных кор блей”.

В “Д ре” есть не только пология пушкинской судьбы, но и п - родиров ние Пушкин молодым поэтом. “Поним ешь, – объяснял он Зине, – я хочу это всё держ ть к к бы н с мом кр ю п родии”. Тр гический любовный треугольник с несч стным Яшей Чернышевским, Ольгой и Рудольфом н мек ет н обстоятельств гибели Пушкин . Призр к пост ревшего Пушкин взез пно предст - ёт ожившим в мечте Фёдор через р сск з нный некдот. “Что если это и впрямь Пушкин, грезилось мне, Пушкин в шестьдесят лет, Пушкин, пощ жённый пулей рокового хлыщ , Пушкин, вступивший в роскошную осень своего гения... Вот это он, вот эт жёлт я рук , сжим ющ я м ленький д мский бинокль, н пис л “Анч р”, “Гр ф Нулин ”, “Египетские Ночи”... Действие кончилось; грянули рукоплеск ния. Седой Пушкин порывисто вст ли, всё ещё улыб ясь, со светлым блеском в молодых гл з х, быстро вышел из ложи».

...что, если б Пушкин был меж н ми – // простой изгн нник, к к и мы? – мечт л Сирин в Берлине.

Фёдор букв льно пит лся Пушкиным: “Пушкин входил в его кровь. С голосом Пушкин слив лся голос отц . Он целов л горячую м ленькую руку, приним я её з другую, крупную руку, п хнувшую утренним к л чом. Он помнил, что няню к ним взяли оттуд же, откуда был Арин Родионовн , – из-з Г тчины, с Суйды...”

В фин ле ром н Н боков ожив ет и мет физический п - мятник отцу героя, вероятно, проп вшему в Тибете, когд Фёдор встреч ется с ним з изн нкой ночи в зд нии бывшей кирхи.

Фёдор п родирует безумие других персон жей ром н , когд , подобно сыну Чернышевского, выбросившему ключи с п роход в Волгу, он з быв ет ключи от кв ртиры – обетов ного р я молодых. Безумие словно перетек ет от одного берлинского литер тор к другому, ст новясь эпидемией. Вот появляется поэтесс Анн Ворон, в этом л коничном обр зе уг дыв ется Анн Ахм тов , мы т кже вспомин ем донну Анну из “К менного гостя” и блоковских “Ш гов ком ндор ”, т кже пушкинские строки – “Ворон к ворону летит...”.

“Отец с кл ссическим п фосом повторял то, что счит л пре-кр снейшим из всех когд -либо в мире н пис нных стихов: «Тут Аполлон – иде л, т м Ниобея – печ ль», и рыжим крылом д пер-л мутром ниобея мельк л н д ск биоз ми прибрежной луж й-ки, где в первых числ х июня поп д лся изредк м ленький «чёр-ный» поллон”.

Н боков перелицовыв ет в “Д ре” нез вершённое стихотворение Пушкин 1936 год , во второй строке перест вляя мест ми в строке “Я жить люблю, я жить хочу”, н “Я жить хочу, я жить люблю”, – т к рифм ст новится точнее, и переписыв ет вторую строфу.

Пушкин:

О нет, мне жизнь не н доел , // Я жить люблю, я жить хочу.
Душ не вовсе охл дел , // Утр тя молодость свою.
Ещё хр няться н сл жденья // Для любопытств моего,
Для милых снов вообр женья, // Для чувств всего.

Набоков, вторая строфа:

Ещё судьб меня согреть, // Ром ном гения упыюсь,
Мицкевич пусть ещё созреет, // Кой-чем я с м ещё з ймусь.

Н м предст вляется, что в ри нт Фёдор звучит несколько п родийно, особенно выделяется последняя строк с её н рочитой просторечностью.

В стихотворении “Пушкинскому Дому” Алекс ндр Блок пис л о времени революционных н дежд: “ Это – звоны ледоход // Н торжественной реке...”.

Н боков ср внив ет стихию ледоход с подобием опустош ющего н воднения и восст нием болотных бесов в новом обличье:

“Невы кр мольн я душ // очнул сь, буйн я свобод
её окликнул , – но звон // могучий, вольный ледоход
иным был звоном з глушён. // Неискупим я годин !”

Петербург, 1921 (‘Т к вот он прежний ч родей...’)

“Но когд я подсчитыв ю, что теперь для меня уцелело из этой новой поэзии, то вижу, что уцелело очень м ло, именно только то, что естественно продолж ет Пушкин ”, – говорит втор в “Д ре”. Слов , обр щённые к музе, рожд ющиеся из сумерек берлинской ночи и проз ической тк ни ром н , звуч т подобием м нифест :

“Люби лишь то, что редкостно и мнимо,
К к родине, будь вымыслу верн , –“

По мнению героя р сск з Н боков “Ultima Thule” Синеусов , персон ж Ф льтер (чьё имя по-немецки озн ч ет “мотылёк”), является “к ндид том всепозн ния”, когд его пор зил незрим я “молния истины”. “Он меня не убил случ йно, – призн ётся Ф льтер, – столь же случ йно, к к грянул в меня”. Случ енд р гения у Моц рт , по мнению С льери, им не з служенный. Этим

он опр вдыв ет отр вление. “...Случ й – бог-изобрет тель”, – говорит Пушкин в нез конченном отрывке. Случ йность лом ет к рточную к рьеру Герм нн в “Пиковой д ме”, поверившего в предопределённость т йного код .

Персон жи-творцы Н боков и он с м н ст ив ют, что “тр гедии «н стоящей» жизни основ ны н кр соте или уж се случ я, – не просто н его нелепости” (“Тр гедия тр гедии”).

Во многом непохожий н Пушкин , Н боков мечт ет об идеальном художнике, который приближ ет к н м сложнейшую грмонию пушкинских произведений, «...вст в я н сторону ирр цион льного, нелогичного, необъяснимого и фунд мент льно хорошего, он дел ет что-то черновым обр зом подобное тому, к к в более широком и подоб ющем м сшт бе мог бы действов ть дух, когд приходит его время” (Н боков, эссе “Искусство литер туры и здр вый смысл”).

Искусство др м тического конфликт во все времен имеет ряд условностей, но оно всегд предопределено столкновением р вновеликих н ч л, когд человек и его вер в своё предн зн чение являются предпосылк ми нер вного поединк .